

Андрей Кивинов

Зона личной безопасности

ИДЕАЛЬНЫЙ ОХОТНИК

Москва
АСТ

Все события и персонажи — вымысел, не преследующий цели кого-либо опорочить и оклеветать. Прошу прощения, если случайно с чем-то угадал.

Не содержит ГМО, искусственных ароматизаторов, красителей и консервантов.

ПРОЛОГ

Допрос протекал скучно, как плохая пьеса. Без пристрастия, без обещаний сгноить и растоптать. Без света лампы в лицо. Без изюминки, одним словом. Точно беседа между больным и бюджетным терапевтом в поликлинике. Вопрос — ответ — запись в историю болезни. И не потому, что человек формально был пока свидетелем, а не подозреваемым. И не потому, что рядом с ним не присутствовал бдительный защитник.

— Кирилл Павлович, адвокат Алиева утверждает, что накануне вы вызвали его клиента к себе. Это так?

— Не спорю. Вызывал.

— С какой целью?

— Я ж ему все объяснил. Нашлись вещи Алиева, по поводу которых тот писал жалобы в прокуратуру. Перстень, цепочка, что-то еще...

Я изъясил их у него при задержании, потом потерял, сейчас отыскал... Хотел вернуть, вот и позвонил адвокату. Мне нужно было заявление, что все возвращено и претензий Алиев не имеет. Они обещали заехать. Обманули. Не заехали.

— И где же эти вещи были все это время?

— В дежурной части... Представляете, за сейф упали. А он тяжеленный. Рабочие кабель тянули, отодвинули и нашли. Вместе с протоколом изъятия. Каюсь, бардак...

Свидетель улыбнулся, сверкнув фиксой белого металла.

Следователь — чуть полноватая дама лет тридцати пяти в синем майорском кителе — склонилась над клавиатурой и забарабанила, занося ответ в протокол. Она была немного близорука, приходилось наклоняться. Но очки не носила, видимо, стесняясь. Вряд ли ей не хватало денег на оправу. Представители Следственного комитета зарабатывают неплохо. Возможно, она боролась с лишним весом методом отдельного питания, но к делу это не имеет никакого отношения. Бросаящейся в глаза неприступностью она напоминала крепость Измаил. Сделай непристойный намек, и тут же полетят ядра.

С недавних пор в функции ее ведомства входило и расследование преступлений, со-

вершенных сотрудниками полиции. Сидящий напротив молодой человек с денежной фамилией Копейкин служил в их доблестных рядах в должности оперуполномоченного уголовного розыска.

— Вы знали, где проживал Алиев? — дама задала следующий вопрос.

— Без понятия! У меня был только телефон его адвоката. Очень мне надо знать, где живут всякие уроды!

Тук-тук-тук по клавишам.

— Вы не находите странным, что, поехав к вам в отдел, Алиев пропал без вести, а вечером того же дня его труп с огнестрельными ранениями обнаружили в подъезде бывшей жены?

— И в чем странность?

— В том, что Алиев жил практически на нелегальном положении и не выходил из своей квартиры.

— Да, действительно странно. Мог бы хоть на минутку выйти, воздухом подышать.

— Кирилл Павлович, не смешно. Давайте соревноваться в остроумии где-нибудь в другом месте.

— То есть вы намекаете, что я подкараулил его возле дверей, застрелил, перевез в машине труп в подъезд и пошел пить кофе?

— Не исключаю... Алиби на весь день у вас нет.

— Осмелюсь напомнить, что отсутствие алиби не является доказательством вины. Хотя вы и сами наверняка это знаете.

— Знаю.

— Но могу вас успокоить. Я этого не делал.

— И никому не сообщали, что Алиев выйдет из квартиры?

— Всему миру. Я разместил эту информацию в социальных сетях... Ирина Михайловна, зачем? Я просто хотел вернуть Алиеву его поганые гайки и цепочку. Ну ладно, ладно — не поганые. Золотые. Ну посудите сами — если бы я хотел его убить, то не стал бы так подставляться. Я бы все сделал идеально. И не сидел бы сейчас перед вами.

— Хорошо, — опять-таки без эмоций ответила дама и снова склонилась над клавиатурой.

Закончив, она распечатала протокол и протянула Копейкину:

— Прочитайте. Где расписываться, вы знаете.

Тот пробежал глазами текст, поставил автограф и вернул протокол.

— Я могу идти?

— Да... Давайте пропуск.

Подписав, она не сразу отдала билет на свободу.

— Кирилл... С моральной точки зрения я на твоей стороне. Но с юридической... Ты понимаешь, о чем я.

Копейкин еще раз улыбнулся.

— Не понимаю... Я взрослый, серьезный человек. И не очень люблю героическое кино про мстителей. Всего доброго.

— Ты же знаешь... Идеальных преступлений не бывает... До скорой встречи.

Вызов к руководителю за пять минут до окончания рабочего дня радует примерно так же, как визит сантехника в три ночи с просьбой проверить температуру батарей. Но сантехник хоть относительно предсказуем. От руководства же можно ждать любых проявлений чувств, но только не положительных. Любопытная закономерность — радостную весть сообщают по телефону, а чтобы донести до ушей подчиненного какую-нибудь гадость, всегда вызывают на ковер.

Примерно так рассуждал майор Бородин, человек, чья служебная характеристика не содержала ни одного прилагательного «прекрасный». Совершенно, кстати, несправедливо. Человек, занимающий должность начальника криминальной полиции территориального отдела, по определению должен быть в чем-то, но прекрасен.

Рассуждал он о перспективах своих скорбных, поднимаясь по парадной лестнице Уп-

правления внутренних дел города Юрьевска, не могущего похвастать ни одним памятником мировой культуры, но зато имевшим средний уровень раскрываемости тяжких преступлений по стране. Человек, отвечающий за эту самую раскрываемость, вызвал его не через секретаря, а напрямую, по мобильнику, тем самым намекнув на конфиденциальность предстоящего разговора.

За лестницей следовал коридор с довольно стандартным набором аксессуаров — банкетками для граждан вдоль стен, Доской почета, галереей портретов всех руководителей Управления, стендом «Внимание, розыск!» с фотороботами-кариатурами и ужасного качества ксерокопиями бандитских портретов. И в конце, как завершающий штрих — панно с Александром Невским, над шлемом которого тянулся по дуге лозунг, не очень соответствующий изображенному историческому моменту: «Сила полиции — в доверии народа!» Просто когда-то здесь висел портрет Дзержинского, но рыцаря революции по причине либерализации заменили на политически нейтрального князя. На лозунге же художник решил сэкономить, исправив лишь старорежимное «мил» на актуальное «пол». А остатками сбереженной казенной краски выкрасил дачный забор.

Секретарша, как принято в уважаемых учреждениях, доложила шефу по телефону о прибытии вызванного человека и, положив трубку, кивнула на тяжелую двойную дверь, возле которой стоя кемарил двухметровый омовец в полной боевой экипировке, словно музейный рыцарь в латах.

— Пожалуйста.

Шеф — пышнотелый лысеющий генерал, носивший зоологическую фамилию Моржов, сосредоточенно листал планшетник, рассматривая закачанные в него фотографии с осмотра места происшествия. Айпод в прекрасном разрешении и со всеми подробностями передавал особенности пулевых ранений на теле азербайджанского гражданина Алиева, павшего, как предполагало следствие и средства массовой информации, от руки наемника. Насколько тот профессионален, говорить пока не приходилось. Вот когда задержим, тогда и посмотрим в трудовой книжке и зарплатной ведомости. А не задержим, значит, не судьба.

— Разрешите, Антон Сергеевич?

— Проходи.— Моржов отложил планшетник и без предварительных ласк перешел к делу: — Мне Царев звонил. По твоему Копейкину.

Царев Борис Дмитриевич, он же Царь Борис, как его звали друзья, он же БиДе, как его

называли враги, возглавлял отдел собственной безопасности полиции города Юрьевска. Если бы дело происходило в Средних веках, то на его гербе красовался бы прищипленный к земле осиновым колом оборотень и девиз: «Хватит пить нашу кровь!» Имидж главного охотника на оборотней был таким, что при упоминании его имени вздрагивали даже честные и порядочные сотрудники.

Бородин тоже вздрогнул, но исключительно внутри. Внешне все осталось на должном уровне.

— И... Что?

— Ни хрена хорошего, — Моржов, несмотря на высокий статус, не пользовался дипломатическим или парламентским языком, — к убийству его не привязать, следственный отдел ничего не предъявил.

— Так, может, Копейкин и ни при чем? Он хоть палку иногда перегибает, но опер хороший, по три раскрытия в месяц стабильно.

— Может, и ни при чем, но нам-то как быть?! Ситуация патовая! Если докажем, что это он натворил, вой поднимется на всю армию и страну! А не докажем — тоже поднимется. Выгораживаем своих, мать вашу!

Антон Сергеевич, назначенный на высокую должность совсем недавно, вовсе не стремился попасть в книгу рекордов Юрьевска как

руководитель, меньше всего времени занимавший свой пост. Даже несмотря на то, что назначение получил по протекции замминистра, с которым когда-то учился в военно-артиллерийском училище. Кстати, он до сих пор называл полицию армией. Предыдущий начальник юрьевской полиции слетел из-за ненадлежащего контроля за подчиненными. В новейшем отделе, открытом в рамках федеральной программы, оказалось слишком много свободных кабинетов — проектировщики не рассчитывали, что начнется реформа и кучу служащих закона сократят. Оставшиеся, прошедшие переаттестацию, этим тут же воспользовались: сдали свободные кабинеты под офисы коммерческим структурам. Мало того — для маскировки снабдили коммерсантов формой. Чтоб арендаторы не выделялись из толпы, если нагрянут проверяющие. Те, конечно, были довольны: никакая «крыша» не придет, никакая проверка из налоговой. Но счастье закончилось на первом же корпоративе. Мало того что нажрались сами, так и напоили дежурный наряд. После чего дружно вышли во двор пострелять по бутылкам на раздевание с девочками из бухгалтерии. Кто-то записал соревнование на мобильник. Видео попало в Сеть, стали разбираться и вышли на «доходный дом». Скандал был таким, что стал

основой сразу для трех федеральных ток-шоу, в том числе «Большой базар».

— Опять-таки убитый — иностранец. Нам тут только международного конфликта не хватало... И так уже из консульства телефон оборвали.

— И что вы предлагаете?

— Самое лучшее — по-быстрому в отставку. Нарушение — взыскание — шагом марш. Могу я, но лучше тебе.

Бородин криво ухмыльнулся. Хорош командир. Дерьмо всегда удобней убирать чужими руками. А сам — отец солдатам, слуга народу. Справедливый и добрый.

— Но... В отделе один молодняк, Копейкин самый опытный. Он поднял «тройник» на Бумажной, у него авторитет... С кем я останусь?

— Авторитетов воспитаем новых. Незаменимых нет. Короче, найди достойный повод или пусть пишет рапорт по собственному. Мне без разницы. Чтобы завтра же его тут не было.

— Но... Он платит алименты бывшей жене. А с работой сейчас трудно,— предпринял еще одну попытку спасти подчиненного Бородин.

— Да его за одно это можно турнуть! Морально не устойчивый, бросил ребенка.

— Он не бросил... Семьи распадаются. Это ж обычное явление. На гражданке и не такое бывает.

— Вот пускай на гражданке и помогает... Слушай, майор... А что ты его защищаешь? Может, вы там бизнес какой мутите?

— Никакого бизнеса у нас нет. А защищаю, потому что такими кадрами не разбрасываются. Тем более вина его не доказана.

— Вот, пока не доказали, пусть уходит. Все! В понедельник доложить.

Моржов вылез из-за стола, выключил настольную лампу, давая понять, что разговор окончен.

— Кстати, а почему ты не в форме?

— Оперативным службам необязательно,— мрачно напомнил Бородин.

— Интересно... Почему это всем обязательно, а вам нет? — Генерал скосил глаз на настольный календарь.— Двадцатого приеду лично, проведу строевой смотр. Не дай бог у кого форма будет не в порядке. Вопросы есть?

— Нет.— Начальник уголовного розыска прикинул, что каждый новый вопрос чреват осложнением обстановки.

— В таком случае, выполнять.

Бородин поднялся и, не простившись и не отдав честь, покинул высокий кабинет.

Омоновец-рыцарь по-прежнему спал.

В машине Бородин закурил, сделав очередной маленький шаг к раку легких и импотенции. Ну и пусть. Разум возмущенный кипел и в бой был вести готов. Пусть даже и не смертельный. Никотин, продукты горения и прочие вредные примеси — лучшее успокоительное, что бы там Госдума ни говорила. «Ну когда же, наконец, мы начнем назначать людей на руководящие должности по профессиональным качествам, а не по родственным или дружеским связям. Никому в голову не придет поставить главврачом человека, не умеющего перевязать порезанный палец. Зато в полицию — пожалуйста! Сколько угодно! Вероятно, считается, что с этим справится любой! Потому что, видимо, мент — это не профессия!»

Бородин называл таких начальников мажорами. Пугал даже не столько непрофессионализм, сколько их непредсказуемость. В конце концов, если ничего в работе не смыслишь, поручи все замам, а сам играй на бильярде или штангу в зале таскай. Только не мешай. Так нет, блин! Хлебом не корми, дай покомандовать!

И естественная реакция на такое командование — все сделать наоборот. Или вообще ничего не делать!

Копейкина выгоняй! Даже увязни он в компромате по самые уши, назло оставил бы! Пу-